

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-248-256>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. М. В. Скороходов

г. Москва, Россия

САД ЭДЕМСКИЙ — УСАДЕБНЫЙ — ДАЧНЫЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта

Российского научного фонда

№ 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051>

Аннотация: В статье рассматривается эволюция в отечественной поэзии XX – начала XXI в. мотивных комплексов, связанных с садом, прототипом которого является Эдемский сад. В анализируемых поэтических текстах особого внимания удостоиваются садовники и садоводы, идущие по стопам Создателя Эдемского сада. Для литературной традиции значимы мифологизированные образы, восходящие к пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» (1903) и к поэме А. А. Блока «Соловьиный сад» (1915). Наслаждение мелодиями природы, мечты о любви, лирические раздумья, философские размышления — все это гармонично связано с внутренним пространством сада, соединенным с окружающим миром, часто враждебным героям, воротами, калиткой или дверью. В статье характеризуются произведения С. М. Городецкого, А. А. Прокофьева, Б. А. Ахмадулиной, А. С. Кушнера и других авторов. Если лирический герой стихотворения Городецкого «Мой сад» (1926) конструирует свой поэтический сад, обращаясь к близким ему поэтам-современникам, то Прокофьев в стихотворении «День, равный тысячелетию, тяжелые руки простер...» (1931) пишет о гибели как усадьбы, так и неотделимого от нее соловьиного сада. Блоковская традиция актуализируется в творчестве Кушнера. На творчество Ахмадулиной существенное влияние оказал собственный опыт дачной жизни в Тарусе, ставшей с 1950–1970-х гг. местом жительства писателей и художников.

Ключевые слова: русская литература, эдемский сад, усадебный топос, дачный топос, А. А. Блок, С. М. Городецкий, Б. А. Ахмадулина, А. А. Прокофьев, А. С. Кушнер.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Дата поступления статьи: 01.03.2023

Дата одобрения рецензентами: 12.04.2023

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Скороходов М. В. Сад Эдемский — усадебный — дачный в русской литературной традиции // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 248–256. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-248-256>

Посвящается памяти Майи Пешковой

Эдемский сад — не только один из важнейших библейских символов, но и топос, значимый для отечественной культуры. Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что в русском Средневековье монастырские сады «символизировали рай» и поэтому «должны были иметь “райские деревья” — яблони, затем цветы, по преимуществу душистые, и привлекать к себе птиц» [4, с. 59]. В русской литературной традиции усадебный сад также нередко являлся своеобразным отражением Эдемского сада, сакральным пространством. Для героев русской классики это место романтических встреч, которые могут происходить не только в центральной части сада — в аллеях или в беседках, но и у его границ. Сады погибающих после отмены крепостного права усадеб, а в период Гражданской войны — сады разоряемых крымских дач становятся символами навсегда утраченной гармонии и крушения надежд. Писателям советского периода обращение к образу сада позволяет подчеркнуть значимость важных для отечественной культуры элементов усадебного топоса, обозначить связи с русской литературной и культурной традицией, а также охарактеризовать особенности дачной жизни, хотя, как справедливо отметила А. Г. Разумовская, в 1930-е гг. лишь отдельные поэты, такие как, например, Б. П. Корнилов и Н. П. Майоров, «в русле фольклорной и христианской традиций имплицитно продолжали отождествлять плодовые деревья с деревом жизни, отсылали к памяти о рае» [7, с. 338].

Трагический процесс разрушения русской усадьбы в связи с обеднением дворянства и сменой владельцев усадебных комплексов — одна из наиболее злободневных тем литературы рубежа XIX–XX вв. Достаточно назвать комедию А. П. Чехова «Вишневый сад» (1903), действие которой происходит в имении Раневской. Мотивные комплексы, актуальные для пьесы, характерны для целого ряда произведений первых десятилетий прошлого века, в их числе повесть И. С. Шмелева «Стена» (1910), местом действия которой становится проданное под дачи для создания дачного поселка и обустройства полустанка имение Тавруевка (анализ этого произведения как «усадебного текста» см.: [9, с. 152–164]). Усадебный комплекс постепенно уничтожается, а главный усадебный дом гибнет в пожаре. Процесс дробления усадьбы на дачи не является безболезненным — это прерывание традиций, сопровождаемое отчуждением помещиков от их имущества и места проживания, катастрофический процесс уничтожения парков и садов, в ходе которого усадебные топосы подвергаются переустройству и навсегда утрачивают свою «усадебность». Сады, парковые аллеи и постройки погибают; меняются ценности, определяющие сам характер бытия.

Образ сада играл особую роль в произведениях русских символистов (см., например: [10]). Для развития литературной традиции значима поэма А. А. Блока «Соловьиный сад» (1915). Первоначальные черновые наброски свидетельствуют о том, что работа над поэмой началась 6 января 1914 г. и была продолжена через несколько месяцев, летом того же года, в усадьбе Шахматово. Вскоре после возвращения оттуда, 11 августа, Блок работает над двумя первыми главками поэмы. Безусловно, жизнь

в усадьбе была важна при создании произведения, хотя сам «образ сада, связанный с мотивом любовного томления, мог восходить у Блока» к «западноевропейским источникам» [3, с. 78] (см. также: [5; 6, с. 76–102]). Образ сада, находящегося за оградой, соотносится с недоступным или потерянным раем; с библейским кругом сюжетов связан и образ смиренного осла, безропотно выполняющим свою работу.

Символично название поэмы, ориентированное на давнюю традицию не только русской, но и мировой поэзии, в которой образ певца прочно ассоциируется с соловьем — не знающим устали и улаждающим слух человека певцом. Блоковская поэма «Соловьиный сад» демонстрирует ориентацию на культуру русской усадьбы, неотделимую от созерцания природных ландшафтов, от прогулок по садам и паркам. И такое созерцание самым естественным образом связано с получением эстетического наслаждения от различных звуков; одним из наиболее привлекательных среди них становится пение соловья.

Первую главку поэмы «Я ломаю слоистые скалы...» отличает контраст между тяжелой работой лирического героя и «усталого» осла, с одной стороны, и безмятежностью сада — с другой. Выбывающий из сил осел «кричит и трубит», но совсем рядом, «у самой дороги», — идиллическая, по существу эдемская картина — здесь «Прохладный / И тенистый раскинулся сад». Для этого сада характерно изобилие — «Лишних роз к нам свисают цветы». Возникает и соответствующая мелодия — гармонирующие с восприятием сада и дающие отдохновение уставшим труженикам звуки: «Не смолкает напев соловьиный, / Что-то шепчут ручьи и листья» [15, с. 8]. Своего рода соперничество звуков — крика осла и соловьиного пения — рождает отклик «кого-то» неизвестного, не раскрытого автором персонажа. Усадебные мотивы, связанные с садом, еще более актуализируются в следующей главке — «Знойный день догорает бесследно...». Сад, дарующий чудесные, сладостные звуки соловей, кто-то поющий — все это особый мир, отделенный от реальности, для которой характерны «жизни проклятья», «стеной», проницаемой только для звуков и видений лирического героя поэмы: «В синем сумраке белое платье / За решеткой мелькает резной» [15, с. 11]. Так постепенно начинает визуализироваться «кто-то» — это «она», манящая легкостью, «круженьем» и «пеньем». Узнаваемый усадебный образ. В главке «Знойный день догорает бесследно...» женский образ все еще недоступен — всякое усадебное пространство имеет свои границы, которые непреодолимы, нельзя забывать и о «недоступности ограды» [15, с. 12].

Многие события происходят на границе отделенных друг от друга миров — на территории усадьбы с садом и за ее пределами. Эти топосы должны иметь места соединения, без этого невозможно их взаимодействие. Это прежде всего ворота, дверь и калитка. Они позволяют на какое-то время разграничить два самостоятельных, принципиально отличающихся друг от друга топоса, но в особых случаях — соединить их, сделать проницаемыми друг для друга. В главке «Отдыхает осел утомленный...» актуальной становится уже не «решетка» или «ограда», а «дверь»: «Как бы в дверь соловьиного сада / Постучаться, и можно ль войти?» [15, с. 14]. В четвертой главке «Правду сердце мое говорило...» казавшаяся неприступной граница между соловьиным садом и окружающим его пространством оказывается преодолимой. Главное, чтобы тот, кто живет в саду, откликнулся на мечтания, томления лирического героя: «Не стучал я — сама отворила / Неприступные двери она» [15, с. 16].

Лирический герой Блока сменил свое местоположение — теперь он наблюдает из «голубого» окна за пространствами вне сада, прислушивается к доносящимся оттуда звукам. Оказавшись в соловьином саду и отдавшись любви, он старается не обращать

внимания на теперь посторонние для него звуки — «рычанье прибоя» и «призывающий жалобный крик» осла [15, с. 21].

В свете нашей темы представляет интерес иллюстрация к поэме «Соловьиный сад», созданная в 1927 г. младшим современником поэта А. Г. Заковряшиным. На первом плане уставшие труженики — лирический герой и осел, за невысокой оградой — сад, подобный Эдемскому. Отметим также пастель С. А. Рудакова второй половины 1910-х — первой половины 1920-х гг. на темы блоковской поэмы и картину Е. В. Царева «Соловьиный сад (Алексеевское)» (2003).

Блок не первым использовал эпитет «соловьиный сад» в качестве заголовка. В 1887–1897 гг. Н. И. Позняков написал рассказ «Соловьиный сад (предание)». На рубеже XIX–XX вв. это произведение не только многократно переиздавалось, но и выступало в качестве названия авторских сборников. В конце 1930-х гг. была поставлена оперетта композитора С. А. Заславского «Соловьиный сад» (либретто А. В. Софронова, являющегося также автором написанной в 1961 г. пьесы «Последние соловьи»).

Традиции Блока и других «усадебных» авторов начала XX в. развивают многие поэты более позднего времени. Среди них — близкое по времени написания стихотворение С. М. Городецкого «Мой сад» (1926). В поэтическом саду, в который лирический герой Городецкого «широко раскрыл ворота», сам он предстает в образе «дуба уединенного», «рязанский страдалец» С. А. Есенин — «березы белотелой», а представитель Олонецкой губернии Н. А. Клюев оказывается в «куще сосен» [16, с. 80]. И все же стихотворение Городецкого вписывается в поэтическую традицию — в его саду возникают характерные звуки — «Ширяевские пели соловьи» [16, с. 81] (отсылка к творчеству поэта А. В. Ширяевца), сад является местом отдыха от повседневных забот — «в сад старинный мой / По вечерам, работою замороен, / Хожу дышать животворящей тьмой» [16, с. 81].

С названием поэмы Блока, получившей широкую известность на рубеже 1910–1920-х гг., перекликается заглавие книги Алексея Луганского (псевдоним А. Я. Голякова) «Жасминовый сад» [20] с эпитафией из стихотворения К. Д. Бальмонта «В моем саду» [14, с. 96]. Самым «усадебным» произведением в сборнике Луганского надо признать стихотворение «Сумрак тенистого сада...» (1920), в котором значимые для усадебного сада (этот сад «позабытый и старый») растения (липа, сирень, жасмин; особое очарование придают им «лунные тени») соединились с характерными для усадебного мира мелодиями, вызывающими мечты о возлюбленной: «Нежен, как песни Шопена, / Образ чарующий твой» [20, с. 29].

Для более молодых авторов, творческая биография которых не была непосредственно связана с Серебряным веком, «соловьиный сад» также неотделим от усадебной жизни, которая стала теперь дореволюционным прошлым, все более и более отчуждаемым. Характерный в этом отношении пример — стихотворение А. А. Прокофьева «День, равный тысячелетию, тяжелые руки простер...», открывающее цикл «Революция» (1931) со строкой: «И к черту летит усадьба, и с ней — соловьиный сад» [21, с. 162]. Этот мотивный комплекс, по справедливому замечанию В. В. Базанова и В. В. Бузник, непосредственно соотносится с блоковской поэмой. Комментаторы стихотворения предполагают также, что здесь содержится «намек на известный факт разорения дачи Блока, описанный в статье Маяковского “Умер Александр Блок”» [1, с. 864]. Отметим, что мотив сада актуализируется и в более позднем стихотворении Прокофьева — «Гармонь» (1953), где прослеживается мифологизация топоса сада: «Входят в песню пять садов. / Первый сад — тополиный, / А второй — соловьиный, / В третьем — вечное

лето, / А четвертый — в самоцветах, / Лучше пятого нету!..» [21, с. 398]). В том же году написано стихотворение «Соловьи», в финале которого звучат аллюзии на поэму Блока: «Что-то есть от соловья / В вашем звонком голосе» [21, с. 403].

В стихотворении «Простор» (1953 или 1954) создается образ весеннего цветущего соловьиного сада: «А рядом свищут соловьи / И пеночки поют. / А рядом яблони мои / Цвести не устают» [21, с. 417]). Спустя несколько лет, в 1957 г., Прокофьевым написано стихотворение «Соловьи в садах отголосили...» [21, с. 449]. Значительное место рассматриваемый мотив занимает и в поэме «Россия» (1943–1944): «Соловьи, соловьи, соловьи, / Не заморские, не чужие, / Голосистые, наши, твои, / Свет немеркнущий мой, Россия!» [21, с. 765]. В характеристике творческой истории поэмы отмечено: «...А. Прокофьев рассказывал, как однажды он шел по одному из участков Волховского фронта и вдруг, в короткую минуту затишья, услышал пенье соловьев. “Как будто и войны нет. Как будто и не свистели только что осколки возле веток, на которых они сидели. Растрогали они меня. Я и записал несколько строчек себе в блокнот...”» [2, с. 510]. «Усадебный» в своей первооснове образ дополняется новыми ассоциациями. Отметим, что фрагмент поэмы Прокофьева — 12 стихотворных строк, начиная со строки «Соловьи, соловьи, соловьи», — положен на музыку композитором А. А. Егоровым и благодаря этому получил широкую известность. В стихотворении «Возле речки в тумане...» (1959) среди того, чем «земля привлекает», лирический герой отмечает: «Первой звонкой капелью / И росой на устах, / Соловьиною трелью / В соловьиных кустах» [21, с. 495]. Вариации мотива соловьиного сада у Прокофьева крайне разнообразны.

Не менее значим для отечественной культуры и мотивный комплекс, связанный с вишневым садом. Он актуален не только для многочисленных режиссеров, обращавшихся к пьесе Чехова, но и для поэтов, в том числе для тех, кто был причастен к дачной жизни. Изданный в 2011 г. посмертный сборник Б. А. Ахмадулиной, проводившей много времени в Переделкине и Тарусу, получил именно такое название — «Вишневый сад» [11]. Значительно раньше, в 1987 г., появился сборник поэтессы «Сад» [12]. О внимании Ахмадулиной к литературной традиции свидетельствует и ее стихотворение «Садовник», начинающееся с упоминания калитки — одного из важнейших элементов, обозначающих границу топоса усадьбы, а также сада и дачи: «Я не скрипеть прошу калитку, / я долго около стою» [13, с. 32]. Такая нерешительность героини вполне понятна — переход через обозначенную калиткой границу требует обдумывания, поэтому и возникает пауза, своего рода предстояние. Там, за калиткой, — главный герой стихотворения, человек, создающий сады, но лишь лирическая героиня стихотворения верит в успех его дела: «И верю я одна на свете, / что зацветут его сады, / что странно засияют с веток / их совершенные плоды» [13, с. 33]. На мотивном уровне это произведение перекликается с поэмой Д. Н. Семеновского «Сад» (1933–1934), воспевающей труд садовода, сумевшего на скудных северных почвах создать плодоносящий сад, и опирающейся на реальный материал — по словам автора, «в основу поэмы положена биография садовода-мичуринца Ф. А. Самцова» [22, с. 83].

Лирической героине стихотворения Ахмадулиной «Сон» видится во сне ее сад, который через сто лет после ее смерти сохраняют садовод и «садоводова жена». Прежней хозяйки уже давно нет на земле, и «...незнакомый садовод / разделяет сад знакомый / и говорит, что он законный / владелец. И войти зовет» [13, с. 79]. Топос сада связан с важными моментами жизни, с испытаниями, через которые пришлось пройти героине. Такое восприятие сада сближает лирику Ахмадулиной с традициями русской

усадебной поэзии. Отметим, что ахмадулинская «садоводова жена» манерами близка обитательницам русской дворянской усадьбы, лирическую героиню она «приветствует жеманно» [13, с. 79]. В стихотворении с символическим заглавием «Немота» возникает вариант садового мира, идущий от блоковского соловьиного сада: «...но мертвы моих слов соловьи, / и теперь их сады — словари» [13, с. 83].

Яркие примеры актуализации мотива сада — произведения современного поэта А. С. Кушнера, автора поэтического сборника «Таврический сад» [19], название которого свидетельствует о внимании не только к саду, но и к городской культуре (см.: [8]). В стихотворении «Осень» Кушнер обращается к наследию своих предшественников — поэтов XIX в. («Всю осень грустят и вздыхают / Полонский, и Майков, и Фет»), лирический герой встречается их в беседках и вслед за А. Н. Майковым повторяет: «“Мой сад с каждым днем увядает”. / И мой увядает! И мой!» [17, с. 188].

В творчестве Кушнера реальный земной сад сближается с садом мифологическим, Эдемским. Например, в стихотворении «Вот я в ночной тени стою...»: «Вот я в ночной тени стою / Один в пустом саду. / То скрипнет тихо дверь в раю, / То хлопнет дверь в аду» [18, с. 51]. Лирический герой оказывается на перепутье. Еще заметнее библейские аллюзии в «Посещении»: «Есть карточка, где ты / С подругой давних лет / Любителем заснят. / Завалены ходы. / Туманней, чем тот свет. / Бледней, чем райский сад» [17, с. 188]. Реальный дачный сад вызывает в стихотворении «Камни кидают мальчишки философу в сад...» философские размышления [17, с. 122].

Наслаждение мелодиями природы, мечты о любви, лирические раздумья, философские размышления — все это гармонично связано с топосом сада, имеющим глубокую укорененность в русской литературной традиции. Сад оберегает внутренний мир героев, наполняет содержанием из грезы, защищает от окружающих топосов, часто являющихся враждебными. Поэтов привлекают создатели садов — садовники и садоводы, а также их владельцы, что обусловлено значимостью для русской культуры Эдемского сада — прототипа садов из произведений отечественной словесности.

Список литературы

Исследования

- 1 *Базанов В. В., Бузник В. В.* Примечания // Прокофьев А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 845–922.
- 2 *Бахтин В.* Примечания // Прокофьев А. А. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Худож. лит., 1966. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1941–1954. С. 509–511.
- 3 *Лавров А. В.* «Соловьиный сад» А. Блока. Литературные реминисценции и параллели // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский государственный ун-т, 1989. Вып. 857. Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сборник IX. Памяти Д. Е. Максимова. С. 71–89.
- 4 *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 3-е изд. М.: Согласие, 1998. 471 с.
- 5 *Максимов Д. Е., Приходько И. С.* Сюжет поэмы А. Блока «Соловьиный сад» и его истоки (К проблеме мифотворчества поэта) // Известия АН СССР. Серия: Литература и язык. 1987. Т. 46, № 6. С. 510–528.
- 6 *Приходько И. С.* Мифопоэтика А. Блока: (Историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам. Владимир: Изд-во Владимирского гос. пед. ун-та, 1994. 132 с.

- 7 *Разумовская А. Г.* Сады российской поэзии (от символизма до постмодернизма). СПб.: НП-Принт, 2014. 436 с.
- 8 *Разумовская А. Г.* Стихотворение А. Кушнера «Таврический сад» в контекстном окружении // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения-2006). СПб.: Изд-во Петербургского ин-та печати, 2007. С. 213–221.
- 9 *Скорыходов М. В.* Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е. В. Глухова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 272 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4)
- 10 *Соколов Б. М.* «Как странно слиты сад и твердь»: Образ сада в художественной системе русского символизма // Модерн в России. Накануне перемен. Мат. XXIII Царскосельской конф. СПб.: Серебряный век, 2017. С. 640–654.

Источники

- 11 *Ахмадулина Б. А.* Вишневый сад. М.: АСТ: Астрель, 2011. 348 с.
- 12 *Ахмадулина Б. А.* Сад: Новые стихи. М.: Сов. писатель, 1987. 160 с.
- 13 *Ахмадулина Б. А.* Сны о Грузии. Тбилиси: Мерани, 1979. 541 с.
- 14 *Бальмонт К. Д.* Будем как солнце: Книга символов. М.: Скорпион, 1903. 290 с.
- 15 *Блок А. А.* Соловьиный сад. Пг.: Алконост, 1918. 26 с.
- 16 *Городецкий С. М.* Грань. Лирика 1918–1928. М.: Никитинские субботники, 1929. 104 с.
- 17 *Кушнер А. С.* Стихотворения / предисл. Д. С. Лихачева. Л.: Худож. лит., 1986. 304 с.
- 18 *Кушнер А. С.* Стихотворения: Четыре десятилетия. М.: Прогресс-Плеяда, 2000. 286 с.
- 19 *Кушнер А. С.* Таврический сад. Седьмая книга. Л.: Сов. писатель, 1984. 104 с.
- 20 *Луганский А.* Жасминовый сад. Стихи. Иваново-Вознесенск: Изд. М.Н. Рыбина, 1922. 44 с.
- 21 *Прокофьев А. А.* Стихотворения и поэмы / вступ. ст. Б. И. Соловьева; сост., подгот. текста и примеч. В. В. Базанова и В. В. Бузник. Л.: Сов. писатель, 1976. 956 с.
- 22 *Семеновский Д. Н.* Избранное. Стихи и проза. Иваново: Ивановское книжное изд-во, 1955. 220 с.

© 2023. Maxim V. Skorokhodov
Moscow, Russia

THE GARDEN OF EDEN — THE ESTATE GARDEN — THE DACHA GARDEN IN THE RUSSIAN LITERARY TRADITION

Acknowledgements: The study was carried out at the IWL RAS with support of the Russian Science Foundation grant no. 22-18-00051. Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-00051>.

Abstract: The paper deals with the evolution in Russian poetry of the 20th and early 21st centuries of motif complexes associated with the garden. The Garden of Eden acts as the prototype of the garden in Russian poetry. In poetical texts under study special

attention is paid to gardeners and orchardists who follow in the footsteps of the Creator of the Garden of Eden. Mythologized images dating back to Anton Chekhov's play "The Cherry Orchard" (1903) and Alexander Blok's poem "The Nightingale Garden" (1915) are important for the literary tradition. The pleasure of nature's melodies, dreams of love, lyrical meditations, and philosophical reflections are all harmoniously connected with the inner space of the garden. The garden is connected by a gate, a gate or a door with the surrounding world, which is often hostile to its protagonists. The paper also dwells upon the works by Sergei Gorodetsky, Alexander Prokofyev, Bella Akhmadulina, Alexander Kushner and others. The lyrical hero of Gorodetsky's poem "My Garden" (1926) constructs his own poetic garden in reference to contemporary poets close to him. Prokofyev, in his poem "A Day Equal to a Millennium, Heavy Arms Spread..." (1931) writes of the death of both the manor house and the Nightingale's garden inseparable from it. The Blokian tradition is resumed in Kushner's work. Akhmadulina's work is strongly influenced by her own experience of dacha life in Tarusa, which became a home for writers and artists in the 1950s and 1970s.

Keywords: Russian Literature, Garden of Eden, Estate Topos, Dacha Topos, Alexander Blok, Sergei Gorodetsky, Bella Akhmadulina, Alexander Prokofyev, Alexander Kushner.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Received: March 01, 2023

Approved after reviewing: April 12, 2023

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Skorokhodov, M. V. "The Garden of Eden — the Estate Garden — the Dacha Garden in the Russian Literary Tradition." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 248–256. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-248-256>

References

- 1 Bazanov, V. V., Buznik, V. V. "Primechaniia" ["Notes"]. Prokof'ev, A. A. *Stikhotvoreniia i poemy [Poems and verses]*. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1976, pp. 845–922. (In Russian)
- 2 Bakhtin, V. "Primechaniia" ["Notes"]. Prokof'ev, A. A. *Sobranie sochinenii: v 4 t. [Collected Works: in 4 Vols.]*, vol. 2: *Stikhotvoreniia i poemy 1941–1954 [Poems 1941–1954]*. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1966, pp. 509–511. (In Russian)
- 3 Lavrov, A. V. "Solov'inyi sad' A. Bloka. Literaturnye reministsentsii i paralleli" ["The Nightingale Garden' by A. Blok. Literary Reminiscences and Parallels"]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta [Academical Notes of Tartu State University]*, vol. 57: *Biografiia i tvorcestvo v russkoi kul'ture nachala 20 veka. Blokovskii sbornik 9. Pamiati D. E. Maksimova [Biography and Creativity in the Russian Culture of the Early 20 Century. Blok's Collection 9. In memory of D. E. Maximov]*. Tartu, Tartu State University Publ., 1989, pp. 71–89. (In Russian).
- 4 Likhachev, D. S. *Poeziia sadov: K semantike sadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst [The Poetry of Gardens: Towards the Semantics of Garden Styles. The Garden as Text]*. 3rd ed. Moscow, Soglasie Publ., 1998. 471 p. (In Russian)

- 5 Maksimov, D. E., Prikhod'ko, I. S. "Siuzhet poemy A. Bloka "Solov'inyi sad" i ego istoki (K probleme mifotvorchestva poeta)" ["The Plot of A. Blok's Poem "The Nightingale Garden" and its Origins (To the Issue of the Poet's Myth-making)"]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR, Series Literatura i iazyk [Literature and Language]*, vol. 46, no. 6, 1987, pp. 510–528. (In Russian)
- 6 Prikhod'ko, I. S. *Mifopoetika A. Bloka: (Istoriko-kul'turnyi i mifologicheskii kommentarii k dramam i poemam [Blok's Mythopoetics (Historical, Cultural and Mythological Commentary on Dramas and Poems)]*. Vladimir, Vladimir State University Publ., 1994. 132 p. (In Russian)
- 7 Razumovskaya, A. G. *Sady rossiiskoi poezii (ot simbolizma do postmodernizma) [Gardens of Russian Poetry (from Symbolism to Postmodernism)]*. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2014. 436 p. (In Russian)
- 8 Razumovskaya, A. G. "Stikhotvorenie A. Kushnera "Tavricheskii sad" v kontekstnom okruzhenii" ["Alexander Kushner's poem "Tavricheskiy Sad" in contextual environment"]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniia-2006) [St. Petersburg Press and Word (St. Petersburg Readings 2006)]*. St. Petersburg, Peterburgskii institut pechati Publ., 2007, pp. 213–221. (In Russian)
- 9 Skorokhodov, M. V. *Pomeshchich'ia usad'ba v russkoi literature kontsa XIX – pervoi treti XX veka: mezhdistsiplinarnyi podkhod [Landowner's Estate in Russian Literature of the Late 19 – First Third of the 20 Century: An Interdisciplinary Approach]*, ex. ed. E. V. Glukhova. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 272 p. (Series "Russian Estate in the World Context". Issue 4) (In Russian)
- 10 Sokolov, B. M. "Kak stranno slity sad i tverd": Obraz sada v khudozhestvennoi sisteme russkogo simbolizma" ["How Strangely the Garden and the Earth Are Merged": The Image of the Garden in the Art System of Russian Symbolism"]. *Modern v Rossii. Nakanune peremen. Materialy XXIII Tsarskosel'skoi konferentsii [The Modern in Russia. On the eve of changes. Proceedings of the XXIII Tsarskoselskaya Conference]*. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2017, pp. 640–654. (In Russian)